

Владимир
КОЛЫЧЕВ

МЕНТ В ЗАКОНЕ
КРУЧЕ, ЧЕМ ОРУЖИЕ

Москва

Владимир
КОЛЫЧЕВ

МЕНТ В ЗАКОНЕ
КРУЧЕ, ЧЕМ ОРУЖИЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Мент в законе. Круче, чем оружие / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с.— (Преступные страсти. Криминальные романы В. Колычева).

ISBN 978-5-04-214939-9

За городом обнаружен труп одного из бойцов местной преступной группировки. Следователь готов списать происшествие на обычную бандитскую разборку и закрыть дело, но опер Степан Круча иного мнения. У жертвы похищен пистолет, а, значит, череда убийств может продолжиться. Чутье не подвело Степана: следующей мишенью стал единственный свидетель загородного происшествия, успевший перед смертью сообщить Круче, что в тот день видел жертву вместе с возможным убийцей. Имея на руках приметы преступника, опер сужает круг поиска, но вдруг понимает, что сам становится объектом охоты невидимого киллера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-214939-9

Глава 1

Январь. Ветер холодный, ледяной — как дыхание Деда Мороза. Снежинкам не холодно, им весело, у них сегодня Крещенский бал — взялись за руки да в хоровод, кружат, хохочут. А ветер перебирает провода на столбах, как пальцы музыканта — гитарные струны. Четыре выюжных аккорда — «за», «мо», ро», «жу». Метет выюга, а где-то на другом берегу озера ей подвывают волки. Как будто покойника оплакивают.

А покойник есть. На этом берегу.

— Кокошин Алексей Дмитриевич, — раскрыв «корочки» водительских прав, прочитал Круча. И тихонько цокнул языком. Был парень Кокошиным, а стал трупом. Отвезут беднягу в морг, пронумеруют, и с биркой на ноге — на тот свет.

А парень молодой, с пышной кучерявой шевелюрой. Он лежал на снегу, раскинув руки, замороженные глаза смотрели в небо. В груди пулевая рана, кровь там со снегом. Ветер шевелил волосы — то ли снег пытался из них выдуть, то ли распрямить кудри.

Тело уже остыло, начинает коченеть, снег на лице больше не тает. Пляж на Глубоком озере сейчас безлюден, но сторож услышал выстрел, позвонил в милицию, а так замело бы покойника снегом, только весной бы обнаружили и назвали бы «подснежником».

— Шестьдесят седьмого года рождения... Весной двадцать пять было бы... — заметил Степан.

— Сторож где? — Майор Горлов строго глянул на лейтенанта Валерьева из патрульно-постовой службы.

— Так это, греется, — старший экипажа кивнул в сторону ворот, показывая на теплую сторожку.

А Горлов в свою очередь кивнул на патрульный «уазик», стоявший с включенными «мигалками»:

— В «собачнике» мог бы закрыть, там бы и погрелся.

— Так холодно там.

— Везде холодно...

— Да он особо ничего и не видел. Услышал выстрел, выходит, смотрит машина отъезжает...

— Машина... — скривился Горлов, глянув на дорогу, которая вела к пляжу.

Ее недавно чистили — грейдер проходил, но с тех пор снегу намело порядком. И сейчас метет, от следов ничего не осталось. Тут никакой эксперт не поможет.

— То ли «семерка», то ли «пятерка».

— Или «шестерка»... Давай за сторожем! Или ты ждешь, когда тут вообще все заметет?

— Я за сторожем? — спросил Валерьев и бросил выразительный взгляд на Степана: он молодой опер, ему и бегать за свидетелями.

— Давай!

Горлов все понял, но решения своего не отменил. Не было у него такой привычки забирать свои слова обратно. А спорить с ним бесполезно. Мужик он уже немолодой, характер зачерствел со временем, да и совесть слегка усохла. Купить его невозможно, но человеку нагрубить для него — как с «добрым утром». Так что все правильно понял Валерьев, легче приказ выполнить, чем с Горловым бодаться.

Он ушел, а майор повернул голову к озеру. Лед там везде, снег, если бы не камыши, трудно было бы понять, где заканчивается суша.

— Вот и спрашивается, что он здесь забыл?

— Они, — уточнил Степан.

— Может, с бабой приезжал? — пожал плечами Горлов.

— В машине погреться? — усмехнулся Степан.

От Битова до базы всего ничего. Если бы не метель, сейчас можно было бы увидеть коробки высотных домов.

— А почему бы и нет, если печка работает.

— А ты чего стоишь? Покрывало давай тащи, — кивком показал на труп майор.

Степан кивнул. Да, надо было бы накрыть труп, пока его не замело. Как и следы вокруг него.

Кокошин был в джинсовой куртке с меховым подкладом. Куртка нараспашку, свитер типа

«Boys» заправлен в широкие джинсы-трубы. В одном месте свитер вылез из-за пояса, как раз в том месте, где обычно вешается кобура. Может, у Кокошина там был пистолет, вправленный за пояс, и парня убили из его же оружия? Но если так, то он явно не простой. Возможно, бандит из спортивной молодежи. Сейчас таких развелось как собак нерезаных. А сложения Кокошин атлетического, видно, что культуризм был для него не праздным понятием. И костяшки пальцев сбиты — то ли по стене голыми руками молотил, то ли бил кого-то...

Тело у человека только на слабый удар мягкое. Чем крепче бьешь, тем сильнее сопротивление. Потому и нужно тренировать кулаки. Скат себя не щадил. Он молотил грушу, набитую песком, с диким ожесточением. На руках только бинты, а ноги и вовсе без защиты. Ногами он тоже умел — «маэ», «маваши», «хидза». Особенно хорошо удавались удары коленом, для ближнего боя самое то...

— Скат!.. — сквозь шум в ушах прорезался голос Литвака.

Скат остановился, нехотя повернулся к нему. Он терпеть не мог, когда его отрывали от дела. И если вдруг Литвак «подогнал ему порожняк», пусть пеняет на себя, сам вместо груши встанет.

— Че тебе?

— Кокошу завалили!

— В смысле, завалили?

— Ну, в смысле... завалили...

— Наглухо?

— Ага, наглухо! — осклабился Литвак.

— А чему ты радуешься? — рыкнул на него Скат.

Он уже давно понял, что с пацанами по-хорошему нельзя. По-хорошему они не понимают. Короткая матерная фраза куда лучше, чем длинное нравоучение. И одергивать их нужно всегда, чтобы хорошее настроение не застаивалось в извилинах, не размягчало мозги.

— Да не радуюсь... Кокоша в морге, мамка его в шоке. Менты подъехали, трут с ней. Как бы она про нашу качалку не сказала...

— А если скажет, то что? — хмыкнул Скат.

— Ну, подумают, что это мы...

— Кто мы?.. Ты его завалил?

— Я?!. Нет!!! Мы же с ним кореша!

— Когда его завалили?

— Ну, сегодня... Утром... Я точно не знаю когда...

— Где?

— Без понятия, у мамки его нужно спросить...

— Хорошо.

Скат задумался. Его банда за последние полгода сделала большой рывок: из уличной кодлы превратилась в реальную боевую бригаду. Как у люберецких, солнцевских, долгопрудненских. Только те центр бомбят, а он взял под себя битовскую баракхолку. Там какой-то Сафрон корни попытался пустить, но Скат жестко наехал на его шарагу. Он ничуть не сомневался в своей победе. И пацаны у него крутые, и стволы были. Сафрон чуть в штаны не навалил, когда увидел направленную на него пушку...

Да и вообще, кто он такой, этот Сафрон? За бакланку год отмотал, думает, что царь зверей. Хрена ему!.. А Литвак отсидел два года, и по благородной статье. И понятия он знает... А Сафрон — беспредельщик... Так, может, он потому и завалил Кокошу?..

— Эй, чего стоишь? — Скат удивленно глянул на Литвака.

— А что такое? — растерянно захлопал тот глазами.

— К мамке давай! Все там узнай!

— А менты?

— Если боишься ментов, бойся их в другом месте!

— Понял!

Литвак рванул к выходу, но Скат его осадил:

— Эй!.. У Кокоши «пушка» была!

Они с таким трудом нашли людей, которые подогнали им партию из десяти «тэтэх». А как они рисковали, когда брали товар. Ну, и деньги. Под это дело пришлось выставить хату одного цеховика. Вломились в дом ночью, наехали на хозяина, взяли в раскрут его жену и дочь. Весело было... У них на счету каждый ствол, а тут вдруг такая потеря... А еще у ментов могут возникнуть нехорошие вопросы.

— Ну да, была.

— Пробей, где железо. У ментов или он дома где-то заныкал.

— Угу!

Литвак ушел, а Скат озадаченно почесал затылок. Он вдруг понял, что пистолет ему доро-

же друга. Лишь бы только пацаны об этом не узнали.

За три года в шкуре опера Степан Круча повидал немало трупов. На первом выезде по «мокрому» эпизоду его стошнило. Глянул в обезображенное лицо покойника и не сдержался — дал волю желудочным овациям.

Но еще хуже быть посланником смерти, ее рукой стучать в чужую дверь. Сколько раз так было, и сегодня пришлось... Сначала мать Кokoшина впала в ступор, затем взвыла белугой. А потом подняла Степана на смех. Ну не мог ее мальчик погибнуть, это какой-то розыгрыш. Но в морге все встало на свои места. Да, на «разделочном» столе лежал ее сын. Степан и хотел бы выйти, чтобы не смотреть, как женщина бьется в истерике, но не мог. С Ольгой Давыдовой случился обморок, нужно было приводить ее в чувство.

Он отвез женщину домой, остался с ней. И еще долго отпаивал ее валерьянкой, прежде чем та смогла хоть что-то сказать.

— Говорила я ему, не связывайся с этим уголовником... — протяжно вздохнула она.

— С каким уголовником?

— Юра Скатов... Из соседнего двора... Он когда-то Леше проходу не давал, цеплялся к нему... бил... А потом его посадили. За грабеж...

— Восемьдесят девятый год, — вспомнил Степан.

Скатова он брал своими руками. Сам вышел на него, сам взял. А суд впаял ему два года. Прокурор

требовал шесть лет, но адвокат представил суду положительные характеристики. Комсомолец, доброволец, почетный тимуровец, все такое. Судья поверил, а разубедить его не удалось.

«Комсомолец» этот уже на свободе, сколотил банду из таких же «добровольцев» и уже успел «засветиться» на битовской барахолке. Заявление от кооператора поступило, деньги у него вымогали. Правда, через день заявление отправилось в обратный путь. Степан догадывался почему. Ох, непростой фрукт этот Скат. И если Кокошин был связан с ним, у него мог быть пистолет.

— Да, где-то так... Леша с ребятами спортзал в подвале открыли, мышцы наращивали, «шварценеггерами» хотели быть, — тихонько всхлипывая, проговорила Ольга Давыдовна. — А Скатов освободился, начал заниматься вместе с ним... А потом вообще стал главным... Леша постоянно пропадал по ночам... Домой выпившим приходил... Я говорю: ты же здоровый образ жизни ведешь. А он — здоровый образ для того и нужен, чтобы хорошо пить. В ресторанах пить, с девочками. Они в Москву ездили, там гуляли... Вот откуда у них деньги?

— Это вы у меня спрашиваете?

Степан обвел взглядом комнату. Гарнитурная стенка из тех, приобрести которые можно было исключительно по блату, хрусталь, богатые ковры. А в гараже была машина, не первой молодости «семерка». Была, пока ее не угнал убийца. Может, бросили ее где-то. Розыск, разумеется, идет.

Сторож видел красную «семерку». Степан лично разговаривал с ним, хотел выяснить все подробности, но, увы, сторож толком ничего не знал. Сидел в сторожке, пил чай, услышал выстрел, вышел, увидел машину, которая направлялась в сторону города. Все, больше ничего. Сколько персонажей участвовало в трагической сцене, как все происходило — никакой информации. Можно было только делать некоторые предположения. Если сторож слышал выстрел, то скорее всего стреляли не в машине. И еще на месте преступления, кроме трупа, никто не остался. Сторож бы увидел...

— Да нет... Я же догадывалась, что там не все чисто...

— Ваш сын связался с нехорошей компанией? — спросил Степан, чтобы вернуть разговор к нужной теме.

— С очень нехорошей компанией. А Леша нужен был им из-за машины. Он их всех там возил-развозил...

Степан едва заметно качнул головой. Вряд ли Кокошин был простым извозчиком, раз ему доверили оружие. Если он открывал спортзал в подвале, значит, он был на центральных ролях.

— У вашего сына был пистолет?

— Пистолет?! — встрепенулась женщина. — Ну что вы такое говорите! А у него был пистолет?.. Я же знала... Знала, что добром все это не кончится!

— Вы подозреваете Скатова?

— Ну, эти пьянки, гулянки... Откуда вся эта гадость?

— Вы говорите, что Скатов когда-то обижал Алексея.

— Ну, когда это было... Сейчас они друзья... Как бы друзья... Да и нет больше Леши! — всплеснула руками Ольга Давыдовна и заплакала, закрыв ладонями лицо.

Степан поднялся с дивана.

— Вы уходите? — спросила она, не поднимая головы.

— Ну, если я вам мешаю...

Ему и самому хотелось закончить разговор, перенести его на завтра. Но в то же время он понимал, что уже сегодня может получить ключ к раскрытию преступления. Мать конкретно что-то знала...

— Нет-нет... Мне с вами спокойней... Как я буду здесь одна?... — Она снова разрыдалась.

— Я на лестницу.

— Да курите на кухне, уже все равно.

— Я сейчас.

Степану нужна была передышка, и лестничная площадка воспринималась как глоток свежего воздуха. Он обулся, надел куртку, открыл дверь и... увидел здорового парня с акульими глазами и широким как у лягушки ртом. Плечи не расправлены, но руки слегка разведены в стороны. И это, судя по всему, была его естественная поза. Кожаная куртка на нем — дорогая, но холодная. Зато свитер под ней пуховый.

— Ты кто такой? — спросил Степан.

— Я кто такой?.. Сева я.

— Сева?

— Ну, мы с Лехой друзья... Мне бы с Лехой поговорить. — Сева заглянул Степану за спину.

— Поговорить? Можно и поговорить. — Степан переступил порог, и парень посторонился, пропуская его.

— О чем? — спросил Сева.

Степан спустился на лестничный пролет, достал пачку «Явы», предложил Севе.

— Будешь?

— Да нет, — поморщился тот.

— Не куришь?

— Ну, курю, — пожал плечами Сева.

— «Мальборо», «Винстон»?

Куртка на нем дорогая, ботинки с тупым носком явно не отечественные. И джинсы не кооперативные. Уж не на битовском ли рынке прибарахлился хлопец? Товар там знатный толкают, «челночники» валом везут. А импортные сигареты он мог отобрать у ларечницы.

— Ну-у...

— А ты к Лешке пришел?

— Ну да.

— Давно здесь?

— Ну, только подошел... А что? — Сева насто-
роженно глянул на Степана и близоруко сощурился, всматриваясь в него. Соврал и смотрит, как собеседник на это реагирует.

— Снег на улице? — Степан кивнул на высокое окно.

— Ну, снег...

— А с тебя уже все стаяло...

Шапки у Сева на голове не было, и в руках ничего такого не было. Короткие волосы совсем сухие, и на плечах сухо. Видно, давно уже в подъезде околачивается.

— Что стаяло? — занервничал парень.

Степан глубоко затынулся и, выпуская дым, спросил:

— А ты чего не возмущаешься?

— В смысле?

— Ну, кто я такой? Вышел тут с бугра, вопросы задаю...

— Э-э... Ну да, ты вообще, кто такой? — закивал Сева.

Но это лишь рассмешило Степана.

— Да знаешь ты, что я из милиции... И что Леха в морге, тоже знаешь.

— Да нет...

— И у двери давно стоишь. Разговор подслушиваешь?

— Какой разговор? — начал злиться Сева.

— Давно с Лехой дружишь?

— Ну, с детства...

— А скаутом давно стал?

— Скаутом?.. В смысле, пионером?.. Ну, был...

— В смысле, в банде у Ската.

— У Ската?! Э-э... — замялся Сева. — У нас не банда... У нас атлетическая секция.

— Атлетическая секция. И стрелковый кружок.
— Почему стрелковый? Мы стрелки ни на ко-
го не переводим.

— Стрелять вы учитесь. Из пистолета. «ТТ».

— Кто сказал?

— Пистолет у Лехи был. И ты это знаешь.

— Ну-у...

— Кто Леху застрелил?

— А его что, застрелили?

Степан со вздохом качнул головой, достал из кармана наручники.

— Пойдем?

— Куда? — набычился Сева.

Судя по блеску в глазах, его сознание заработало в аварийном режиме. Не возникло у него желания сдаться на милость судьбе, но и когти показывать он пока не торопился.

— Поговорим. — Степан кивнул в сторону отделения. — По-плохому.

— Зачем по-плохому?

— Затем, что по-хорошему ты не понимаешь.

— Да не знаю я, кто Леху убил! Честное слово, не знаю! — Сева приложил руку к груди. — Мы сами хотим узнать, кто его завалил.

— Кто это мы?

— Ну, Скот меня прислал... Ну, может, вы что-то знаете...

— Где Скот?

— Э-э...

— Да ты не бойся, я с ним с глазу на глаз поговорю. Задерживать не стану.

— Да?

— Ну, если он ни в чем не виноват.

— Да не виноват! Отвечаю! Он не виноват!

Степан задумчиво смотрел на Севу. Этот фрукт умел петь соловьем, но ухо с ним нужно держать остро. Он ведь и в ястреба может превратиться, если его погладить против шерсти. И ударить мог, и даже за пистолет схватиться. И Скат такой же опасный тип. Но Степан все равно хотел встретиться с ним. Врага нужно знать в лицо.

Глава 2

Душа в подвале нет, зато за дверью полно свежего чистого снега. Скат щедро зачерпнул двумя ладонями, приложил снег к своей груди, стал растираться. За этим делом и застал его Литвак.

— Как водичка? — вроде бы весело, но с напряжением в голосе спросил он.

— Раздевайся! — сухо бросил Скат.

Из темноты вынырнул Яслик, подошел к ним. Куртка запахнута, на голове шерстяная шапочка, на плече сумка. Заниматься пацан пришел. А заодно командным духом подкрепиться. Скат, может, и не Алан Чумак, но мозги заряжать умел.

— Э-э, сегодня же не Крещение... — глянув на Яслика, поежился Литвак.

— У тебя, может, и не Крещение, — усмехнулся тот. — А Кокоша бабу в прорубь повез.

— В какую прорубь? — резко глянул на него Скат и, повернувшись, зашел в подвал.

Яслик и Литвак потянулись за ним.

— Ну, на Глубоком...

— А что за баба?

— Не знаю... Я ее раньше не видел...

— А когда видел?

— Ну сегодня, утром... Он к Афонычу в ларек заехал, «пузырь» у него взял.

— Сегодня?

— Ну да... Мне в Москву надо было, я попросил довести, а он за деньгами полез. Извини, брат, довести не могу, хочешь, я за такси заплачу...

— Зачем ты это мне рассказываешь? — скривился Скат.

Яслик был отменным бойцом, махался лучше всех. И подраться любил. Но Скат не считал его смелым. Он точно знал, что Яслик очень боится тюрьмы, и видел в этом его слабость, потому и не брал на серьезные дела. Когда цеховика ходили выставлять, Скат взял на дело Кокошу, а Яслика даже не позвал. И в Москву Яслик ездил учиться. Институт он этим летом оканчивает, радиотехнический. А толку от этого? Если бы он радиостанцию портативную смог бы смастерить, так нет, ума, говорит, не хватает. И руки под боксерские перчатки заточены. Зато высшее образование будет... Если до лета доживет.

И еще Ската раздражала жадность Яслика. Снега зимой у него не выпросишь. Он скорее удавит-